

Губанов Сергей Александрович

ГНОСЕОЛОГИЯ АНТИНОМИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ СИМВОЛА В КУЛЬТУРФИЛОСОФИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА ВЯЧ. ИВАНОВА)

В данной исследовательской работе рассматривается проблема участия гносеологических дефиниций в раскрытии свойств, особенностей и трансформаций антиномической диалектики символа в творческом дискурсе Вяч. Иванова. Основное внимание сфокусировано автором на изучении специфики онтологических особенностей построения экзистенциальных парадигм, конструирующихся не только на уровне феноменологии символа как объекта художественной деятельности, но и на уровне творческого самосознания, претворяющего и растворяющего его сокровенные смыслы в Бытии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/1/16.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 1 (7). С. 78-81. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

DESERVED QUALITY AND LEVEL OF CITIZENS' LIFE AS AN IMPORTANT CONDITION OF PROVIDING RUSSIAN NATIONAL SECURITY

Snejana Ruslanovna Gosteva, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Philosophy, Sociology and History
Moscow State University of Railway Engineering (Branch) in Voronezh
gosteva73@mail.ru

The article shows that the quality and level of citizens' life play an important role in providing national security.

Key words and phrases: national security; level and quality of population's life.

УДК 008:1

В данной исследовательской работе рассматривается проблема участия гносеологических дефиниций в раскрытии свойств, особенностей и трансформаций антиномической диалектики символа в творческом дискурсе Вяч. Иванова. Основное внимание сфокусировано автором на изучении специфики онтологических особенностей построения экзистенциальных парадигм, конструирующихся не только на уровне феноменологии символа как объекта художественной деятельности, но и на уровне творческого самосознания, преобразующего и растворяющего его сокровенные смыслы в Бытии.

Ключевые слова и фразы: символ; творческий дискурс; антиномическая диалектика; онтология; парадигма; концепция; гносеология; культурифилозофия.

Сергей Александрович Губанов

Кафедра теории и истории культур

Костромской государственной университет им. Н. А. Некрасова

marker6186@list.ru

ГНОСЕОЛОГИЯ АНТИНОМИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ СИМВОЛА В КУЛЬТУРФИЛОСОФИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА ВЯЧ. ИВАНОВА)[©]

Диалектика онтологических воззрений на природное начало символа исходит у Иванова из дихотомии состояний многоликости, беспредельности, представлении словесной формулы в нечто большем, чем оно есть, в ее неподчинении эсхатологической исчерпаемости в Бытии: «Раскрытие содержания символов означает открытие того пространства, в котором человек может стать самим собой, своей сущностью, субстанцией» [8, S. 270]. Символ – это всегда идентификационное тождество осознаваемого содержания и формы вещи в облике ее экзальтированной причинно-следственной, не подвластной обыденному созерцанию, метафизической таинственности состояний в Бытии, скрывающейся за пределами полисемантической монадности. Культурфилозофский дискурс антиномий символа Вяч. Иванова имеет самостоятельные, априорно дистанцирующиеся от других теоретиков символизма (А. Белого, Вл. Соловьева, К. Бальмонта и других), истолкования феноменологической природы этого неоднозначного на первый взгляд, и совершенно неповторимого, с другой стороны, онтологического генезиса отражения действительности в творческом сознании человека и искусства в целом. Значимость концепции антиномий символа и символа вообще, в мировоззрении философа, определяется теми обстоятельствами, что он привнес в методологию символизма одну из сокровенных ипостасей знаний о символическом состоянии объектов реалий и эксплицировал результирующую установку этого эмпирического опыта на символическую природу искусства вообще. «Символ только тогда истинный символ, - отмечает Вяч. Иванов в статье «Поэт и чернь» (1904), - когда он неисчерпаем и беспределен в своем значении, когда он изрекает на своем сокровенном (иератическом и магическом) языке намека и внушения нечто неизглаголемое, неадекватное внешнему слову. Он многолик, многосмыслен и всегда темен в последней глубине. Он - органическое образование, как кристалл. Он даже некая монада, - и тем отличается от сложного и разложимого состава аллегории, притчи или сравнения» [3, с. 709-714]. «Подобно солнечному лучу, символ пронизывает все планы бытия и все сферы сознания и знаменует в каждой сфере иное назначение. Поистине, как все нисходящее из божественного лона, и символ, - ... "знак противоречивый", "предмет пререканий"» [Там же]. Универсальность методологии постижения антиномий символа выстраивается в мироощущении Иванова в онтологически последовательный ряд фиксации его первостепенных феноменальных значений, каждое из которых, увлекается органической неразложимостью внутренних смысловых сцеплений. Кроме того, все эти особенности порождаются самобытным, и в тоже время, неповторимым звучанием, опосредованно располагающимся в дихотомических настроениях дефиниций Бытия.

Несколько метафорическое представление о символе, растворяющееся в его проникновенности в большое количество сфер реальности, отвлеченно ретранслирует модель переходности содержания символа из ноуменальной среды трансцендентности в теургическую предельность имманентности. В рамках этого перехода из одной истинной субстанции в другую, более динамическую и диалектическую, с позиций смысловых приращений, антиномическое движение символа приобретает парадигму осознанных и неосознанных дискурсов, абсолютно адекватно проецирующихся на систему творческого познания человека и его закрепления в художественных образах искусства. Онтологическая точка осознанности символа вуалируется Ивановым в процессе культивации объекта познания как нечто большего, чем просто ментальность его обыденности в экспликации внутренних форм смысловых соответствий, и регистрирующегося только в откровениях магичности и таинственности, поскольку именно в них определяется сосредоточие истинного отображения символа в различных уровнях творческого сознания. Однако, в тоже время, дискурсионная открытость символа в пространственно-временной модели действительности уловима и ощущаема только в теургии творчества, так как только в этой стихийности мыслительного процесса возможен катарсис (выход и очищение от второстепенных значений) описания истинных идейных воплощений феномена символа. В таком случае, природа творчества становится некой синтагмой очищения формы и содержания познаваемого в диалектике самого познающего в отношении символического генезиса состояний акцентуруемого объекта. В пределах диалектики неосознанного восприятия символа познающим, теургическая наполненность последнего стирается и унифицируется до известной степени предела смысла во внутренней природе явления. Таким образом, он превращается в сравнение, подобие и логическую аналогичность в онтологии вещей, то есть присущая изначальная объективность явления нивелируется до предельной точки своего существования и обозначается в качестве органической конгрегации тривиального состояния – формы и содержания, в котором исключен всяческий момент магического насыщения. Следовательно, символ в своей ноуменальной первичности истолковывается в сознании Иванова как инструмент онтологического соединения смысловых догм и парадигматических значений истинной теургии слова и его субъективного творческого воплощения, образуя и консолидируя в предельности состояний этих переходов, форму не отвлеченного, а явного антиномического таинства. Множественное раскрытие магичности антиномий символа заключается, по концептуальным утверждениям философа, в распространении творческим сознанием гностических моделей расщепления органической монады теургии символического движения, многократно происходящего и неуывающего в онтологической ментальности познаваемого объекта. В непосредственной близости к данному утверждению, Иванов конструирует онтологически абстрактную, но в тоже время, вполне метафизически конкретную, даже в некотором роде детализированную концепцию вхождения символа в предельные сущности феноменов Бытия, регистрирующуюся в форме пространственных парадигм, образующих единообразность присутствия истинности в метаисчислениях структурных уровней исследуемого культурного явления сознанием художника. Первый структурный уровень символа определяется следующей парадигмой: $x\text{-объект} = \text{антиномия символа} = \text{символ} = \text{неисчерпаемость ноумена}$. Онтологическая содержательность данного тождества показывает, что признание $x\text{-объектом}$ перехода смысловых средоточий символа из области трансцендентной в предел имманентности (регистрация самой антиномии), показывает истинную сущность символа, и как следствие его ноуменальную неисчерпаемость, глубинность. Параллельно с этим, в мировоззрении Иванова культивируется другая тенденция признания символа как некой синергии действительности, состоящая в том, что как бы человеческое сознание не проникало в глубинные таинства символа, оно не может обозначить все магические дефиниции, проистекающие от культурфилософии его Бытия. Следовательно, справедливо возникает утверждение о бесконечной непознаваемости смысловой природы символа как такового. Последовательное значение функционирования феномена второго структурного уровня раскрывается в такого рода парадигме: $x\text{-объект} = x\text{-субъекту}$ только в том случае, если антиномия символа = акцент аллюзии и реминисценции содержащегося таинства в символе. Действительность постигающегося таинства возможно преимущественно при помощи метонимии трансцендентального намека и внушения, а не рационально-логического суждения. Сущностная сторона данной парадигмы состоит в том, что гностическое разумение внутренней стихии символического движения в структурной организации явления, возможно только тогда, когда антиномия символа позволяет познающему началу опосредованно или конкретно выделить органическое естество магического таинства природы символа над остальными второстепенными дефинициями, окружающими его действительные координаты онтологических значений: «Символ есть развернутый знак, но знак тоже является неразвернутым символом, его зародышем» [5, с. 131]. Одновременно с уже указанными парадигмами, формируются и другие не менее приоритетные и значимые для понимания философии символа в мировоззрении Вяч. Иванова. В числе таких, особый интерес имеют онтологические парадигмы, формулирующие в природе антиномий символа дихотомии пространственного воплощения и воссоздания моделей особого рода таинства, нисходящих от последнего. Таким образом, благодаря подобным особенностям и качествам символа реализуется следующая парадигма: антиномия символа = символу, если соблюдается условие, состоящее в том, что $x\text{-объект}$ не тождественен символу, поскольку символ = антиномии = символу. Мотивация присутствия структурных уровней, составляющих выявленную парадигму концепта символа, обуславливается мировоззренческими установками самого Вяч. Иванова, которые детерминируют антиномию символа в виде единого и целостного органического тождества, где он сам произрастает и оформляется, а не конструируется по нашему сознательному волеизъявлению.

Другая парадигма, представляющаяся логическим продолжением предыдущей, организуется в следующей смысловой последовательности, она как бы дополняет и привносит окончательный вариант ее реалистического развития: ноумен символа = ноумен символического воплощения его состояний = антиномии трансцендентальности, в которых х-объект = символическим противоречиям, проявляющихся на уровне взаимодействия имманентных и трансцендентных моделей Бытия. Метафизическая составляющая природы символа в отношении последних двух парадигм, находит свое подтверждение в мироощущении Вяч. Иванова в том, что символическое движение, погруженное в пределы какого-либо отстраненного явления реальных, практически всегда ретранслирует антиномическое содержание, статусное качество внутреннего развития, нечто «знаменует» и откуда-то (по Иванову - «из божественного лона») «нисходит», и отсюда оно, опять же по определению, есть сгусток онтологически привносимых противоречий, становящийся для человеческого сознания «предметом пререканий». В историческом контексте становления «символологии» - установленных пререканий достаточно не малое количество, значительная часть которых, если брать их культурфилософскую детерминацию, разрешается в философствовании о природе символа Вяч. Иванова, поскольку слово о символе его авторитетно не только в рамках *sui generis*, но и благодаря всей последующей истории изучения символа в XX веке. Мыслительные парадигмы, построенные и обращенные к процессу исследования модели символа в генезисе искусства самого Вяч. Иванова (а также А. Л. Волынского, Д. С. Мережковского, А. Белого) непосредственно предшествовали теориям *метафизического* символизма П. А. Флоренского и А. Ф. Лосева, *культурологической* концепции символа Э. Кассирера, *метаспсихологической* парадигме рассмотрения символа как архетипа К. Г. Юнга. В работе «Две стихии в современном символизме» [2] Вяч. Иванов дифференцировал несколько бинарных направлений в современном ему искусстве символизма, различающиеся принципиально разным пониманием природы самого символа. Среди оппозиционно выделенных структурных уровней, определяющих онтологическую сторону функционирования символа в Бытии, он секуляризовал методологию реалистического и идеалистического символизма. Благодаря подобному разделению, философ с детализированной самодостаточностью описал модель каждого направления, в котором символ имел свои собственные и неповторимые смысловые и форменные очертания: «Для реалистического символизма - символ есть цель художественного раскрытия: всякая вещь, поскольку она реальность сокровенная, есть уже символ, тем более глубокий, тем менее исследуемый в своем последнем содержании, чем прямее и ближе причастие этой вещи реальности абсолютной. Для идеалистического же символизма - символ, будучи только средством художественной изобразительности, не более чем сигнал, долженствующий установить общение разделенных индивидуальных сознаний» [3, с. 536-561].

Следовательно, в пределах первого направления, основа онтологического состояния символа в действительности понимается в качестве уже заложенной в его природное начало антиномической объективности. Находясь в области имманентных форм, она претворяется в художественном процессе, находящимся в четкой, неразрывной взаимосвязи с трансцендентальным абсолютом, где и обнаруживает смысл утвержденной полноценности. Другими словами, по мысли Вяч. Иванова, статусность вещи в онтологии Бытия, уже концентрирует идейную парадигму сокровенности, и чем глубже художественное сознание проникает в ее пределы, тем ближе становится момент раскрытия истинности предназначения познаваемого явления, так как «мысль – это символический процесс, а символ не может быть бессмысленным» [4, с. 99]. Для другого направления, символ предопределяется не более чем акцентированная область, на плоскость которой падает художественное созерцание, и путем онтологической и эмпирической апробации содержательных центров культивирующейся в сознании вещи, фиксируется антиномия границ имманентной и трансцендентной пространственности, эксплицирующихся при помощи художественного выражения. Поэтому идентифицирующаяся особенность форм «общения индивидуальных сознаний», по утверждению Вяч. Иванова, есть ничто иное, как установление еще одной методологической дефиниции в обосновании антиномий в виде одного из основополагающих начал в онтологическом дискурсе символа вообще. Таким образом, Вяч. Ивановым символ понимался как имеющий объективную сущность, располагающийся в самой природе вещей, которая в свою очередь сама *указывает* на инореальность высшего порядка, *знаменует* (курсив наш – С. Г.) высшее бытие. Для Иванова этот подход к символу и, соответственно, сам реалистический символизм, соблюдающий принцип «верности вещам», были единственно истинным. В то же время, он четко определял и второй возможный взгляд на природу символа. То есть тогда, когда символ рассматривается лишь как некий «условный знак» или *сигнал*, «которым обмениваются заговорщики индивидуализма», «поэтическое *средство* взаимного заражения людей одним субъективным переживанием» [3, с. 536-561]. Иначе говоря, и в первом и во втором случае, символ может быть увиден в парадигме семиозиса (потому что даже в первом, как бы объективном значении символ также способен выступать в качестве начала, «связывающего индивидуальные сознания»). Стоит отметить и тот факт, что, если для идеалистического символизма знаково-суггестивными функциями символа он, в общем-то, и исчерпывается, то для реалистического символизма это лишь дополнительная, возникающая в социуме и культуре функциональная и смысловая нагрузка символа. Поскольку его изначальное реальное существование отнюдь не для коммуникации, не для передачи, пусть даже самых благих и прекрасных, чувств или форм искусства, так как символ репрезентируется как «самостоятельное, обладающее собственной ценностью обнаружение реальности, в смысле <...> которой он, в отличие от знака, участвует» [7, с. 919].

В логической последовательности собственных рассуждений Вяч. Иванов еще раз, и это очень важно для понимания ключевых особенностей художественного постижения антиномий символа, формулирует это ключевое отличие двух названных позиций так: «Принцип идеалистического символизма был определен нами как психологический и субъективный, принцип реалистического символизма как объективный и мистический. Для первого типа символ - *средство*, для второго - *цель* (курсив наш – С. Г.)» [3, с. 536-561]. Отсюда совершенно справедливо следует противоположность онтологических задач, которые ставят перед собой обозначенные философом направления, метонимически проецирующие отдельно взятую систему истолкования феноменологии антиномического движения символа в пространственно-временной протяженности Бытия: «Символ же и в плане выражения, и в плане содержания всегда представляет собой некоторый текст, то есть обладает некоторым единым замкнутым в себе значением и отчетливо выражающей границей, позволяющей ясно выделить его из семиотического контекста» [6, с. 10-11]. В этом Вяч. Иванов усматривает методологию гностического постулирования истинных точек оптимизации художественного поиска состояний абсолютности символа как такового: «Пафос идеалистического символизма - иллюзионизм, все феноменальное - марево Майи; под покрывалом завешанной Изиды, быть может, даже не статуя, а пустота, а *le grand Neant*» французских декадентов» [3, с. 536-561]. С позиции подобного поиска эсхатологических точек в содержании символа, задачи идеалистического символизма придерживаются принципов критического конструктивизма, то есть чисто технически, функционально подходя к символу, предпочитают не ставить вопрос об источнике всех явлений. С этим связаны признание автономности художника и его преобразовательный пафос в идеалистическом символизме - переработка воспринятых из реальности вещей под влиянием «самовластной, своенравной своей фантазии». С противоположной стороны, тенденции реалистического символизма тяготеют к фиксации точек абсолютности символа в действительности преимущественно при помощи формы внутренней антиномии вещи, располагающейся в фабуле ее сокровенности, которая оказывает влияние на создание модели художественной ретрансляции явления без внесения очевидной дихотомии в ее онтологическую целостность, признающуюся объективностью. Таким образом, исходя из дифференциации двух видов символизма, проведенного Вяч. Ивановым, можно с полной уверенностью утвердить два глобальных, пронизывающих всю историю человеческой мысли в отношении методологии понимания *проблемы символ*. Либо он (символ) признается существующим объективно, как своего рода онтологическая реальность мира, организующая непосредственную антиномию временного (имманентного) и абсолюта вечности (трансцендентности), олицетворяющей органическое тождество пространственных взаимодействий, то есть «реально являть мир сверхбытия на уровне бытия» [1, с. 345], установленных отдельно взятыми индивидами. Или же он есть лишь очевидный продукт нашего субъективного человеческого сознания - следовательно, полноправно и единственно является категорией семиотики, эстетики, литературоведения, а, следовательно, может быть рассмотрен, и как форма человеческой культуры, и как средство художественной изобразительности, поскольку всегда «моделирующая структура символа гораздо значительнее» [4, с. 133].

Список литературы

1. Бычков В. В. Византия // История эстетической мысли. М.: Искусство, 1985. Т. 1.
2. Иванов В. И. Родное и вселенское: сб. статей / сост., вступ. ст. и примеч. В. М. Толмачева. М.: Республика, 1994.
3. Иванов В. И. Собрание сочинений. Брюссель, 1971. Т. 1.
4. Кулагина Н. В. Символ как средство мировосприятия и миропонимания. М., 1999.
5. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976.
6. Лотман Ю. М. Символ в системе культуры. Тарту, 1987. Вып. 754.
7. Радионова С. А. Символ // Всемирная энциклопедия: философия. М., 2001.
8. Jaspers Karl. Allgemeine Psychopathologie. Springer - Berlin - Heidelberg - New York, 1959.

GNOSIOLOGY OF ANTINOMIC DIALECTICS OF SYMBOL IN PHILOSOPHY OF CULTURE OF SILVER AGE (BY THE MATERIALS OF VYACHESLAV IVANOV'S CREATIVE WORKS)

Sergey Aleksandrovich Gubanov
Department of Theory and History of Cultures
Kostroma State University
marker6186@list.ru

In this research work the problem of gnosiological definitions participation in revealing the characteristics, peculiarities and transformations of the antinomic dialectics of symbol in Vyacheslav Ivanov's creative discourse is considered. The main attention is paid to the study of the specificity of the ontological peculiarities of creating existential paradigms formed not only at the level of the phenomenology of symbol as an object of artistic activity but at the level of creative self-consciousness implementing and merging its innermost secret senses in Existence.

Key words and phrases: symbol; creative discourse; antinomic dialectics; ontology; paradigm; conception; gnosiology; philosophy of culture.